

ЧЕМ МОЖЕТ БЫТЬ ПОРЕВО - ЛЮЦИОННОЕ НАРОДНИЧЕСТВО

I

Было бы нелепо и противоестественно думать, что существуют какие либо общественно - исторические теории или даже политические программы, которые смогли выдержать искус революции и предстать в пореволюционное время в своем старом неискаженном виде. Человеческой мысли свойственно если не абсолютизировать, то во всяком случае очень преувеличивать значение окружающего, — и все старые общественные построения с неизбежностью отражали это свойство, — тем самым оказываясь устарелыми в наши дни.

Но с другой стороны пересмотр старых ценностей не может доходить до их окончательного отрицания, потому что они все в той или иной степени коренились в подлинной исторической судьбе народа, и тем самым отражали эту подлинность. Может быть на этом основании современные переоценки упираются в теории более ранние, менее окрашенные дореволюционным налетом.

В русской мысли существует основная исконная линия, которую можно широко назвать народнической. Она имела на протяжении своей истории чрезвычайное количество разнообразных проявлений. Из нее выросло славянофильство, в ней находил свои истоки Герцен. А в более поздние времена ею было окрашено и революционное направление с.-р., и основы реакционной политики Александра III. Русское народничество не предопределяет политических выводов. Оно есть основная установка, из которой возможны разнообразные политические выводы. При наступающей теперь переоценке многих конкретных положений народничества, очень важно найти его основное

определение, — тот базис, который связан со специфической судьбой русского народа, и который поэтому остается неизменным, несмотря на все сдвиги в историческом процессе.

Существует классическое, римское определение государства через народ, территорию и власть. Эти признаки в равной степени являются в нем вторичными, долженствующими только определить первичный. И для римского сознания это совершенно естественно, потому что при изменчивости власти, территории и контингента римских граждан понятие государства остается незыблемым.

Но попробуем по этому принципу определить, например, Израиль. Власть на протяжении его истории все время изменяется, территория не только то сокращается, то увеличивается, но иногда становится совсем иной, иногда совершенно исчезает. Наконец, центральное понятие Рима, — государство, — оказывается так же относительным и непрочным. Уничтожение его отнюдь не означает уничтожения всего связанного с ним комплекса, потому что остается последняя величина, — народ. Для израильского исторического сознания, таким образом, было бы гораздо правильнее определять именно это центральное понятие, — народ, — через понятия государства, территории и власти.

Этот пример разителен. Исходя из него можно понять основной принцип народничества. Возьмем его первоначальную стадию. — славянофильство. Уже для нее характерно выдвигание на первый план подлинного субъекта исторического процесса, каковым является русский народ. Именно в этом смысле можно говорить об негосударственности славянофилов. И какое нелепое сочетание с точки зрения римско - европейской, — антигосударственники и монархисты. Но с точки зрения народнической нелепости в этом нет, потому что монархизм их есть вторичный и относительный признак, — в такой мере они и государственны. Первичное же свойство исторического процесса определяется для них его носителем — народом, который может принимать ту или иную власть, распространяться на той или иной территории и выливаться в те или иные формы государственности.

Все эти основные признаки народничества были гораздо менее заметны в последующей стадии его развития. Оно зачастую начинает определять себя и через власть и через отношение к государству.

Чем это объяснить? Можно смело утверждать, что предреволюционный период русской истории был по преимуществу антинароднический. Официальная Россия была пропитана пафосом государственного строительства, для которого народ был только материалом. Столыпинская фраза о "великой России" есть именно проявление этой чрезмерной государственности. Тут субъектом исторического процесса принимается великое российское государство, империя, покрывающая собой одну шестую часть суши, населенное русским народом, управляемое данной исторической властью, и более того, — покровительствующее православной Церкви, которая является одним из атрибутов государства. Концепция дореволюционной официальной России в этом смысле абсолютно ничем не отличается от классической римской концепции. На этом пути можно было ждать или окончательного перерождения русского национального самосознания, ухода его от первоначальных народнических тенденций, или... революции.

Но любопытно, что победившее в революции течение по существу так же базировалось на неких римских основах. Марксизм, уходя от концепции римского государства и ставя во главу угла понятие класса, по существу оставался в основном римском русле, так как совершенно не считался с духовно-личным началом народа в историческом процессе и выдвигал механически - принудительное начало экономического развития. Если раньше центром исторической жизни считалось мертвое, механическое чудовище государства, то тут этим центром стал считаться мертвый, механический процесс железной экономической необходимости. Принципиально ничего не изменилось, потому что в обоих построениях живой и волящей дух народной личности был только атрибутом, по существу ничего не меняющим, в железной поступи истории. Тут будет уместно вспомнить Достоевского, именно так воспринимавшего западные социальные теории своего времени. Он видел в них только дальнейшее развитие теории римского муравейника, пережившего перед

этим все соблазны католичества и по существу не изменившегося ни в чем существенно.

В этом отношении можно сказать, что дореволюционный период русской истории был исключительно неблагоприятен для народнического направления. И не то, что у нас не было народников, — они были, — но им приходилось жить и думать в атмосфере торжества марксизма, когда homo economicus был неизменным героем дня. Все свои выводы и построения они с неизбежностью должны были полемически оттачивать на оселке экономического материализма, они определяли себя только полемически и этим самым зачастую оказывались в общем круге экономических и механических восприятий истории. По отношению к экономизму они оказывались не оппозицией Его Величеству, а оппозицией Его Величества.

Именно на этом основании нужно стремиться к преодолению и дореволюционности, и революционности. Именно на этом основании приходится отвергать очень многое, что характеризовало русскую общественную мысль за последние 50 лет.

Итак, — зараженность тем, что я условно называю римским началом, в его статическом аспекте привело к крушению старого строя, в его экономическом аспекте привело к внутреннему крушению революции. Выводы из этого, — назад к народничеству, но к народничеству, свободному от посторонних наслоений.

Что это значит? Утверждая в первую очередь абсолютную роль народа, как субъекта исторического процесса, надо сразу же выдвинуть на первый план восприятие его, как живой, свободной, волящей личности. Из этого вытекает отношение к истории не как цепи причин и следствий, а как к раскрытию смысла. Исторический интерес, воплощаемый словом "почему", заменяется историческим интересом, воплощенным в "зачем". История становится целесообразной и законченной биографией народной личности. И личность эта, — народ, — воспринимается не только как сумма граждан данной эпохи, и уже конечно не как один или несколько по преимуществу трудящихся классов целостного народа, — а как единый организм, объединяющий в себе всю сумму граждан всех эпох и всех классов. В этом смыс-

ле народничество есть по преимуществу органическая теория истории, и в этом смысле оно максимально историсофично.

Пореволюционное сознание, преодолевая оба бывших ранее срыва, с неизбежностью будет историсофично.

Тут будет уместно утвердить одну истину, которая должна лечь в основу всяких попыток историсофического осмысливания событий. Историсофия, ищущая смысловую, целевую связь, и не придающая большого значения связи причинной и механической, почти невозможна вне приятия последнего смысла, — т. е. смысла религиозного. Когда мы обращаем все наше внимание на судьбу государства или на развитие экономического процесса, религиозный смысл неизбежно ускользает от нас, потому что вообще смысл и цель ускользают, и мы имеем дело только с причинно - следственными механическими рядами. Но с момента, когда центром нашего внимания становится народ, — живая личность, “душа” народа, — мы в осмысливании его судьбы легко поднимаемся до последних границ этого осмысливания, до поисков последнего религиозного оправдания всех своеобразностей его судьбы. Можно сказать так: историсофия ищет религиозное задание данного народа и с точки зрения религиозного задания определяет отдельные этапы его истории. Тут в известном смысле мы возвращаемся к миропониманию славянофилов, проэцировавших религиозное задание на все сферы исторической жизни.

Нам необходимо определить, зачем (а не почему) русский народ в начале своей истории принял христианство из рук Византии.

Зачем (а не почему) в начале своей самостоятельной религиозно - философской жизни он пленился идеей Третьего Рима.

Зачем ответил на реформу Петра расщеплением своего народного тела и всей массой своей ушел от общей государственной - исторической судьбы, к которой его влек Петр.

Зачем в течение всего XIX века он стремился вернуться в какие то основные русла народнического восприятия истории.

Зачем он свалил великую империю, разрушил старую государственность, уничтожил власть, растратил территорию.

И, наконец, зачем так нелепо, так трагически просвечивает в русском, азиатском марксизме старые, знакомые черты веры в русский мессианиззм.

Зачем, а не почему, какова цель, а не причина всего этого.

О, на все это ответ сейчас уже ясен. Основное, что мы узнали из всех последних событий, это то, что никакие причинные связи не могут до конца определить судьбы народа, что она имеет смысловое значение и упирается в последнее религиозное раскрытие того задания, той призванности, которая была дана ему в начале его исторического существования.

И тут мы подходим к вопросу об раскрытии русской мессианской идеи.

Логически неизбежно связано: 1. Народническое восприятие исторического процесса (народ, — субъект его). 2. Религиозная историософия (смысловая, а не причинная связь событий). 3) Раскрытие русской мессианской идеи.

Революция привела нас к приятию первого положения этого логического ряда. Пореволюционное сознание должно дойти до его логического завершения и точно отчеканить понятие русского мессианского призвания.

Е. Скобцова.